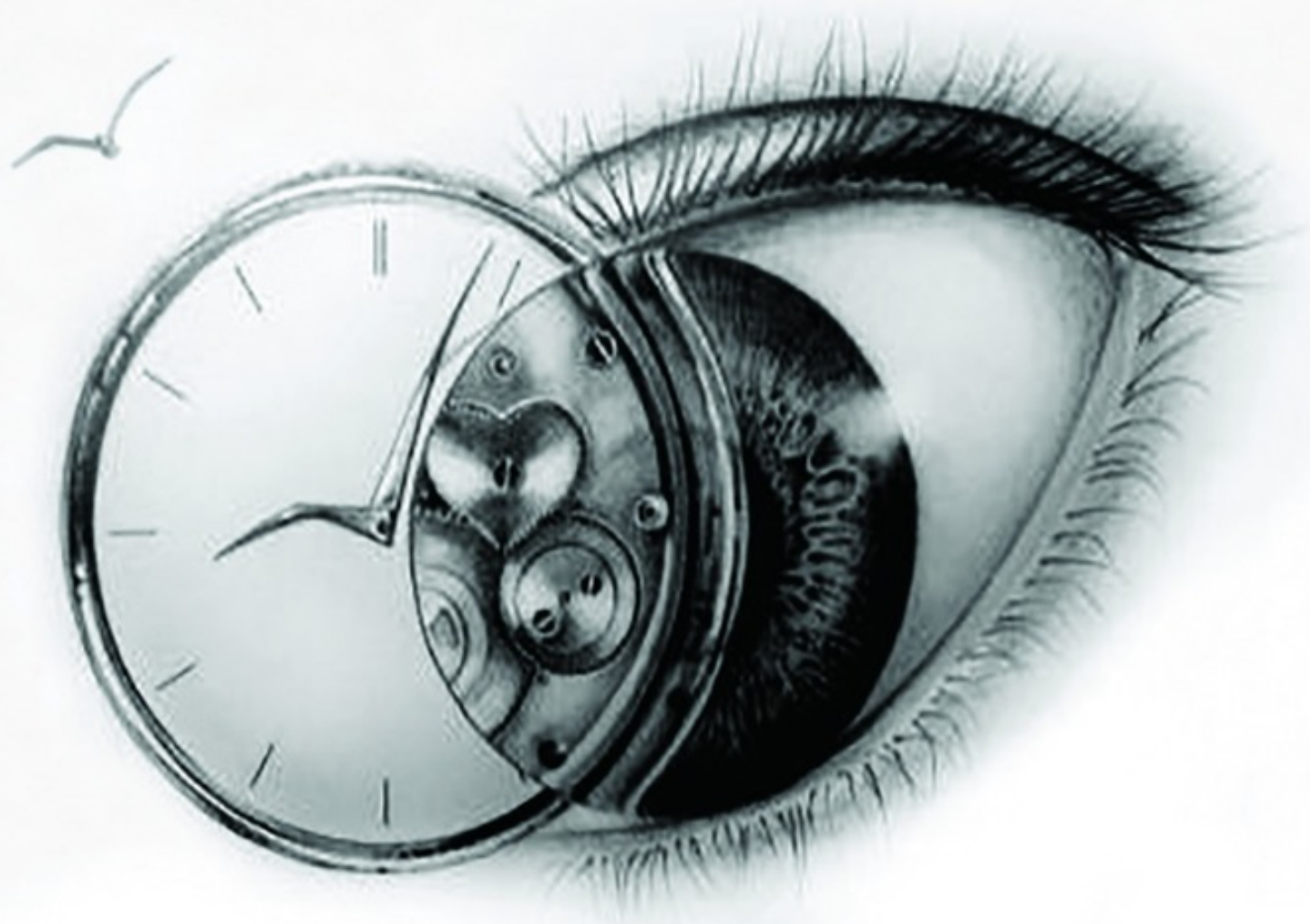

Обо всём

Джонни Тот

Джулия Тот

Обо всём

«Издательские решения»

Тот Д.

Обо всём / Д. Тот — «Издательские решения»,

«Обо всём» — сборник более ранних и новых стихов автора обо всем том, что есть наша жизнь изо дня в день, всем том, что заставляет нас плакать, улыбаться или — быть счастливыми...

© Тот Д.

© Издательские решения

Содержание

Первый день весны	6
Каприз	7
Чужие миры	8
Карнавал	9
Попугай и нестаринные часы	11
Подарок	12
«А в горах – все еще – снег...»	13
Листва	14
Бедность	15
Мы	16
Счастье...	17
Чужие тайны	18
Однажды	19
Черепашка	20
У меня все по-прежнему, папа	21
«...отчего есть – будущность и нет – прошлости?..»	22
На древний мяч похожий камень	23
Паромное	25
Вальс	26
Модильяни	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Обо всём Джулия Тот

© Джулия Тот, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первый день весны

И снова в мире – первый день весны,
но – всё – по-прежнему на свете этом:
не стало счастья больше в нём,
ни капель меньше – в море лжи
и боли... и трещать капли —
устало надоест из года в год о том,
что есть она, чтобы напомнить о весеннем счастье,
что, может быть, пора – давным давно —
нам что-то изменить, избавившись от страха власти,
в котором мы боимся сделать шаг —
навстречу ли, или – невозвратно – удаляясь...
послушайте капель – хотя бы раз,
попробуйте на вкус – о чем мечталось —
в дни первые весенние – годами,
и, может быть, – изменится весь этот свет:
быть может, – станет ярче он,
и капель в море горя – меньше,
быть может, – за капли песнью —
тот мир, в котором горя больше нет?...

Каприз

Я облаком несуществующим растаю,
и, может быть, тогда – заплачешь ты...
Или – напротив – будешь очень счастлив —
избавиться от бремени моей любви?
Но, как бы ни было – я облаком
несуществующим растаю, —
и, посмотрев на мир твой – без меня,
решу: вернуться иль – оставить, —
в счастливом одиночестве тебя...

Чужие миры

Забывтый старый двор,
скрипят качели ветром, —
там я оставила своё «давно»,
за скрипом не расслышала ответов:
чужие страны, города и лица, —
зачем нужны мне были так
и так спешила к ним, —
таким раскрашенным цветами —
уж слишком яркими для глаз моих, —
иным...
Зачем с поспешным рвением учила
ненужные напевы,
праздников неведомых календари,
из языка в язык переносила
зачем традиции свои, свои стихи, —
мне не расслышать за качелей скрипом
ответов – их не разобрать, —
моё «давно» – за воем ветра скрыто...
накрыто акварелью нового,
что так стараюсь я
своим теперь считать...

Карнавал

Город маленький на берегу залива
радостно рядится в Карнавал, —
лицемерие за масками пытаюсь спрятать,
истеричным и фальшивым счастьем заполняют бар:
слишком громкие монро-блондинки,
в белопошлых платьях-париках,
милые старушки, что в мешки одеты,
и, — султанов — целый караван...
Подивившись вдоволь собственным прекрасам,
да дешевым платьям — парикам, —
затишают в ожидании фальшивых звуков,
что уже в священников разряжены готовятся сыграть, —
в серпантин, да конфетти искусно столь растрепанном, —
баре, превращенном в карнавальный хлам...
И, — при первой заданной нестройно — ноте, —
гитарой ненастроенной, в ненастоящего священника руках, —
запрыгает счастливое народье:
монро, старушки, что годами нафталинены,
и, — султанов — целый караван...
В сем громком, псевдокарнавальном буйстве
покинет в танцах стойку бара нафталином ароматная толпа,
открыв лицо по-настоящему счастливое,
на коем — широко распахнуты и столь удивлены глаза,
улыбка обладателя чьего — столь искренна,
что лишь подумается — он здесь — в первый раз, —
он верит маскам и веселию поддельному, —
фальшивой музыки звучание оркестрами он слышит,
за маскарадом, что вокруг него, не видит —
ни зависти, ни лжи, ни низостей гримас...
Восторженно смеясь всему, что видит,
совсем ребенок — нет ему и двадцати,
вдруг с места встать решит, —
счастливый жизни бара новичок и — сразу всем ответит —
на все вопросы: и о счастье, и о жизни, о — любви... —
болезнью неизвестной изуродованным телом
он медленно — за полушагом — шаг,
все так же улыбаясь — серпантину,
танцующим старушкам, что в мешки наряжены, —
рукой помахивая всем — словно друзьям —
пересекает бар, одетый в маскарадный полухлам...
И, глядя на счастливое лицо,
глаза, распахнутые удивлением восторга,
забудете о нафталиновых монро,
старушках и султанов караванах,
и звуки, что ненастоящего священника

гитара ненастроенная выдает —
не будут слишком посторонними казаться —
пусть будет это всё, – дарящее тепло
кому-то, кто в нём столько лет нуждался...
пусть будет, если кто – то счастлив им —
ненастоящим карнавалом, для кого – то —
единственным, и потому – таким родным...

Попугай и нестаринные часы

В клетке сидя, старый попугай ворчал о жизни,
утомляя новые часы «под старину», —
их обманутый фальшивом видом, —
он решил – ровесники ему...
тикания чистого не замечая,
он рассказывал про бытие свое,
а часы «под старину» лишь стрелками стучали,
отнимая по секунде жизнь его.
Словно ровню, попугай часы винил:
не было бы их – он был бы молод,
в клетке не сидел бы,
в дальних странах жил, – путешествуя,
не зная, что есть – холод
одинокчества и клетки купол —
вместо белых облаков, да – голубых небес, —
он просил часы остановиться,
думал, что поймут его – и остановят бег,
ставший ненавистным столь по миру,
и – виновный в столькомножестве обид и бед...
Но – часы глухи к мольбам остались —
молодости старость не понять:
все стремительнее стрелками стучали,
приближая будущего страх...
В клетке засыпая, старый попугай ворчал о жизни...
Новые часы «под старину»
лишь жестоко в тихом доме стрелками стучали,
по секунде отнимая жизнь, и с ней – мечту...

Подарок

Юленьке Колесниковой и ее малышу – Никите

Все мечтают в мире этом – о подарках разных:
ценных или – сердцу дорогих, —
кто-то грезит кольцами, каратами тяжелыми,
а иные – об одном всего счастливом дне...
День же выдался и вовсе – не весенний,
мрачный небом, полным грустных облаков,
и, – подарком – просто не хватало цвета,
красок радости, чтобы раскрасить холст..
Но – от серого холста в ста километрах, —
неизвестному кому-то, кто —
по глупости слепой своей грустит, —
маленький – двухлетним возрастом – Никита,
осторожно пальчик в краски обнимая,
маргаритку на открытке радостно творит..
Счастье малыша, что пальцы в разноцветии,
что цветочек – сам нарисовал,
не понять ему, как радостью раскрасил,
осветил он маргариткой на открытке
дом того, кто по – погодному – так глупо,
слепо так: грустил и тосковал...
Маргариткой на открытке, что – подарком —
почтальон доставит не конверт, —
счастье малыша, его цветную радость, —
он в почтовый ящик каждодневно бросит —
то, чего почти – дороже нет..

«А в горах – все еще – снег...»

А в горах – все еще – снег
и напрасно птицы о весне кричали —
нет ее – не в бело-розовом цветущем миндале,
и нет – в ветрах, что птицам подпевали...
И в горах – все еще – холод,
и напрасно одеждой весенней
разукрашивает прохожий
мостовые, зимой ледяные...
В горах – все еще – грусть —
холода и безцветия...
но танцует, – спасая весну, —
солнце глупое – на расцвете:
словно устав от бесчувствия,
или – серого сна,
быть может – жалея прохожего,
и птиц, что поют: «весна»...

Листва

сколь ненавистна белизна листвы бумажной,
безмолвной – словно нечего сказать,
той, на которой нет – ни закорючек слов,
ни знаков восклицаний,
лишь – пустота...
а пустоту всегда легко узнать:
она не плачет в радости иль горе,
и в ревности истошно не кричит, —
лишь в белизне листвы бумажной тонет
и – о мирском досадливо молчит...

Бедность

Нищие душой по миру бродят —
судят всех и — обо всем — так повелось...
Душат — нищие душой — чужие сути, —
их околдовать пытаюсь в смысл иной...
но, смеется над коварностью нелепой,
бесноватой чуть — столь старый мир, —
повидал он и — тщеславия убогость,
и — гордыни мельницы, что — в пыль
превращали самого создателя сюжета
жизни, коей и других он поучал,
и — ошибкой — не заметил прочих,
кто — как он — о собственном величии вещал...
Пыль развеется, но также неизменно —
в звезд шуршании и каждом дне —
будет мудрый мир столь грустно удивляться
гордости, присущей пустоте...

Мы

Вот облако, похожее на черепаху,
что удивляется нам всем с высОка своего, —
а то, что выше – апельсином рыжим
готово ослепить любого,
кто надоедливо пытался рассмотреть его...
Вот две лошадки, галопируя по небу,
сольются неожиданно в одно
сердечко, иллюзорное любовью,
растают кружевом, что не связал никто...
Мы облаками часто кружева сплетаем,
из апельсинов, рыжих – лишь мечтой,
пытаясь выжить сок, —
столь часто о сердечках забываем,
им позволяя раствориться в небе, —
лишь потому, что так боимся быть собой...

Счастье...

Два параллельных мира в комнате одной, —
как дождь и радуга в обычный день весенний —
не смешивая краски – серый и цветной —
смеялись счастливо людей обидам за окном, —
над миром, стонущим непониманьем бесконечным...
Мирам, что – параллельны – было не понять,
в чем вожденность жизни, где одной и той же нотой —
скрипят две скрипки под белесым потолком,
пытаются оркестр создать особый...
Два параллельных мира – удивленно
рассматривая ссоры – за окном, —
лишь разноцветностью различий улыбаясь, —
задумались, как поделиться сном —
своим, что люди счастьем называют,
не понимая – сколь его не может быть,
когда они в том мире, что – напротив —
отраженье ищут – свое – которого не может быть...
Но – параллельным двум мирам не суждено найти ответ —
напомнить как о счастье грезящим, – тем, – за окном, —
что радостно веками радуги веселой свет
лишь в серый дождь способен улыбаться, —
что счастья в одинаковости – нет, —
ему дано бутоном разноцветным —
в обычный день весенний распускаться...

Чужие тайны

Ступая по прошлому, запорошенному
пылью жизней, коих уж нет,
оставляю следы ненарочно я, —
раскрывая чужой секрет, —
скрытый в пыли ушедших судеб,
нерассказанный никому, —
по песчинке собрав,
осторожно —
миру шепотом подарю...
Но мир не оценит подарок, —
поднимет ветром молвы,
наспех напишет книги,
полные грязи, да – лжи..
И, – снова ступая по прошлому —
запорошенному, ничьему, —
не стану рассказывать миру
я тайну его... —
сохраню...

Однажды

Жизнь такова — однажды станет все ненужным:
мечты несбывшиеся, ожиданий свет,
что выживать и верить заставляли годы долгие, —
все потеряет смысл, все превратится в пустоту,
которой тоже — нет...

Жизнь такова — однажды просто прошлым
все обернется, — даже зеркала
вдруг станут лгать, отчаянно показывая
то отражение, что сохранили
годы многие назад...

Жизнь такова — однажды лишь воспоминаниями
заставит жить, — без будущего, просто — каждым днем, —
без права на мечты, — за их ненужностью,
любя лишь то, что есть и что подарено нам было
коротким слишком и — нелепым, часто, — сном...

Черепаха

Снова солнце в упаковках золотистых,
одинаковых, – нам лето раздает...
и – в саду запущенном – проснулась черепаха,
потерялась в зарослях – и бродит по нему, —
суетливыми кругами выход ищет —
из приюта зимнего спешит туда, —
где деревья апельсиновые в цвете,
где свободно и где жизнь – не пустота, —
зимняя, засохшая, слепая..
Суетливыми нелепыми кругами
черепаха ищет путь в тот мир,
где придется от ежей под панцирем скрываться,
за камнями прятаться от змей,
где не знает – утром суждено ль проснуться —
иль – последним станет будущий рассвет,
пусть опасен мир там, за плющом садовым —
но – его роднее сердцу черепахи – нет,
и – не будет: каждый год в то время,
когда солнце в упаковках золотистых,
одинаковых нам лето раздает —
черепаха суетливо мир свой ищет —
пусть – со змеями, ежами, но – ее...

У меня все по-прежнему, папа

У меня все по-прежнему, папа, —
я все также тебя не люблю,
и день за днем перелистывая, —
ношу, что дал мне — тяну...
Я больше не виню тебя во всем, что было,
и в том что есть — никто не виноват,
вид делаю, что все давно простила, —
но, — доказать пытаюсь, как ты был не прав, —
не зная, там, где ты сейчас —
способен слышать чувства?
и радоваться? — или ты там просто — есть..
и — все с такой же ненавистью смотришь
на бытие мое, не признавая права — жить, —
мое, — и право быть счастливой, —
лишь потому, что я не та, кем быть должна,
и потому, что я не тех любила,
не с теми говорила иль — жила...
и потому, что для тебя была я глупой,
никчемной и — ненужной никому.. —
ты убеждал меня, хотя и знал — неправда,
ты рушил жизнь, ломал судьбу мою..
Но — больше не виню тебя за все, что было,
жалею лишь, что я — по — прежнему — раба
твоих изысканных ошибками учений,
противиться которым не смогла,
надеясь, что когда-нибудь, однажды,
ты просто станешь папой — хоть на миг —
меня обняв, не будешь требовать удачи
во всем и — совершенства — на двоих...

«...отчего есть – будущность и нет – прошлости?..»

...отчего есть – будущность и нет – прошлости?..
...отчего смех чужой все чаще звучит – пошлостью?..
почему уже не радуется закат, – красносочный,
словно – лопнувший от зрелости гранат?
оттого, что – годы – и – уже не стать поэтом,
музыкантом, и художником – не стать:
в жизни так бывает – все завяло и – уныло,
когда сушит жаждой новое, – но —
без возможности – начать,
когда звезды улыбаются ван-гогово —
а не с неба темного загадками чужими,
и – милее тишина становится, —
заменяя радость быть с родными...
но – не подавайте беспощаде лет —
пусть богата будет судьбами иными, —
будущность граната все же есть —
наслаждением раскрасить чью-то,
столь беззвездную и серую унылость...

На древний мяч похожий камень

На пляже, все еще зимой опустошенном,
среди миллионов серых и безликих, — как и он, —
скучал — на древний мяч похожий — камень —
обточенный до совершенной круглости, — волной...
Он — в грусти — времена листал: когда скалой зубастой
пугающей всех тех, кто покорить ее желал, —
жил, на обычный мир взирая — с высока и — гордо,
каменей, чьи судьбы были там, внизу — не замечал...
Во времена далекие все было просто:
он жил величием своим, не думал, что земля,
однажды и его состарить сможет,
где — трещины послав на лик его, где — языки огня...
Он вспомнил день, когда от гордости очнулся:
волной холодной омываем, где-то — в глубине морской,
не видя ни вершины собственной, зубастой,
ни леса, ни столетиями окружавших мелких гор...
Состарившись, он превратился в просто камень,
такой, как все: что жив еще, но — не способен ни на что,
лишь вспоминать величие былое,
грустить, рассказы глупых слушая вокруг него...
Он с каждым годом становился меньше,
все ближе — к берегу, и об одном мечтал:
однажды, наконец, — исчезнуть, —
волной быть сточенным в ничто, пропасть...
Но, выброшен на пляж волной капризной,
среди миллионов серых и безликих, — как и он, —
скучал — на древний мяч похожий — камень,
когда рук человеческих почувствовал тепло...
Забыв о прошлом, камень удивленно
смотрел на шумность, и людей — вокруг,
пока его несли куда-то человеческие руки,
но, оказавшись в доме человека, понял он — замкнулся круг:
на полку водружен, он гордо слушал,
сколь совершенны формы и цвета его,
хотел поправить говорящего — таким не Богом создан, —
но, — передумал тайны раскрывать былого своего...
Он снова величаво — с полки —
смотрел на мир внизу, когда вдруг снова загрустил:
ведь не узнают никогда те серые и глупые
на пляже камни — кем снова стал и где живет он,
гордиться же — без этого — на древний мяч похожий камень, —
как не пытался, но — причин не находил...
Грустил на полке книжной старый камень,
что некогда зубастой неприступной был скалой:
мечтал на пляж вернуться к столь же серым и безликим,

им рассказать, что столь он совершенен,
что даже человек его забрал в свой дом...

Паромное

И снова паром шуршит
волной, —
унося на Крит
меня и будни мои,
что в чемодан легли
поблекшими в стирках цветами —
обычными прошлыми днями...
А ночь вокруг – не волшебна,
и – звездами столь бедна,
паром качаем бофорами, —
вот уже совсем не до сна
прошлым дням,
в чемоданы уложенным
и тем, кто их пережил:
бессонница ночь разглядывает
сквозь аромат кофейный,
да сигаретный дым...
И все так же паром шуршит
волной,
и в шесть тридцать Крит,
безмолвием улыбнется
всем, прибывшим к нему —
до солнца,
до дня, до шума улиц,
когда птицы еще не проснулись...

Вальс

И останутся лишь наброски
нами не прожитых жизней,
теней, что безсудьбенны были
и – судеб, что – не любили..
И кто-то потом – сплетнями,
да придуманным – о нас —
расскажет жизни нЕбыли,
нечто чужое создаст:
о том, что счастливы были,
и вдоволь нам было всего,
или – что зря мы пробыли
жизнь на Земле... все равно:
останутся жизни наброски,
эскизы придуманных дней,
и чувств пережитых осколки,
да – память чужих, теней...

Модильяни

Он, несомненно, – был поэтом,
но напевал о жизни не словами – на холстах:
размытыми тенями – прошлого сюжеты,
и разноцветием сияющим – о будущем мечтал...
Карманами он беден был – как суждено поэтам,
судьбой – богат, и тысячей друзей
был наречен «последним представителем Богемы»,
не придавая этому гроша, которым не владел...
От непризнания топил он изваяния
в реке ночной – не в силах пережить
насмешек шепот, звон непонимания,
Создателя о жизни долгой не просил...
Оставив миру разноцветные поэмы,
его покинул тихо – словно и не жил, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.